

Глава 29. Примирение

Письмо Сталины, хотя оно и было прощальным, Нину не успокоило. Её оскорбили подробности наших отношений, которые она вычитала среди строк письма. Конечно, она о них догадывалась, и в своём воображении рисовала даже больше того, что было на самом деле. Но всегда оставалась надежда, что на самом деле наши отношения не зашли так далеко. Теперь, задетая за живое содержанием письма, Нина ожесточилась ещё больше.

Сначала все её мысли концентрировались на самом факте моей измены. Она винила меня, мою слабость, проклинала Сталину, укравшую у неё любовь. Гнев обжигал её душу, из которой рвались, оставаясь не высказанными, оскорбительные для меня слова. Этим можно было воспользоваться, пойти на прямой и откровенный разговор, что-то признать, что-то отрицать, но главное дать понять, что она нужна мне, что любовь по-прежнему живёт в сердце моём. Но, к сожалению, я сам был погружен в свои собственные переживания и не воспользовался этой возможностью.

Неделя шла за неделей, а в наших с Ниной отношениях мало что менялось. Я старался, как можно чаще бывать дома, был заботлив и внимателен, Нина – нема и бесчувственна. Теперь её мучила мысль, что в семье я остался не из-за любви к ней, а из чувства долга, привязанности к детям и элементарной жалости. Для неё осознание этого факта было страшнее моей элементарной мужской неверности. Всегда замкнутая на мне одним, уверенная в моей любви и защищенная ею, она с обжигающей остротой ощутила безмерность своего одиночества и незащищенности. Долгими бессонными ночами рылась она в своей памяти, пытаясь найти в своих действиях и поступках моменты, разрушившие моё чувство к ней. Возраст, болезни. Противостоять этому вряд ли возможно. Недостаточный уровень образования – это серьезно. Но, если бы он сам хоть немного помог, то я тоже могла бы окончить десятилетку, а возможно даже институт, думала она. А вот различие в политических взглядах, упорное нежелание отречься от идеалов своей комсомольской юности, всегда так раздражавших его, а нескрываемое неприятие всего немецкого, нежелание учить немецкий язык, готовить немецкие блюда, а постоянные споры по поводу интеллигентских манер воспитания, все это при желании можно было преодолеть. Но вряд ли причина в этом.

Я же, по-прежнему метался. Уйти из семьи я не мог, и это было ясно не только мне. Но и вырвать из памяти Сталину не было

сил. Ни дома, ни на работе не находил себе места, Естественно, что успокоить Нину в этих условиях я не мог. В марте командировка в Москву. Я ей очень обрадовался. Она давала возможность обдумать происходящее, «остыть». Поехал поездом. В нем мне всегда хорошо думалось.

Купе, вечер. За окном мелькают километровые столбы, разъезды, шлагбаумы. Сверкая огнями, проносятся встречные поезда. Куда едут люди, куда еду я?! Чего ищу, от чего убегаю, на что надеюсь? Куда бы ни уехал, проблема останется. Я должен, я обязан подавить в себе чувства к Сталине. Этого требует не только долг. Тысячами нитей я связан с Ниной. Любовь моя к ней, не исчезла, как и память о нашем прошлом. Смогу ли я забыть о нём и жить только настоящим. Каким будет моё будущее, и есть ли оно у меня? Ведь мне уже пятьдесят пять. Все мои лучшие годы, все мои силы, честолюбивые планы отданы семье, работе. А что осталось? Что смог бы я дать Сталине? Мучительные годы увядания, угрызения совести, изнуряющую ревность. Но и забыть её, собственными руками оторвать от души своей, не могу. Потеряв её, я потерял всё, что еще осталось во мне от прошлой молодости моей.

Если бы можно было жить только настоящим, не думая ни о прошлом, ни о будущем. Но оно было это прошлое, и избавиться от него я не мог. Мысли, воспоминания, эпизоды прошлой жизни мелькали как кадры кинохроники, пересекались, путались.

Соликамск. Пересылка. Толпа заключённых, отправляемых в ссылку. Конвой, собаки. Ниночка, несчастная, растерянная, вся в слезах на последнем месяце беременности. В то время я готов был на все ради её спокойствия и благополучия. Разве мог я в то время представить, чем всё это кончится. Как могла всё это предвидеть та латышка, которая в Туруханске, предсказывая Нине её судьбу, сказала, что с мужем она проживет большую и счастливую жизнь, но под конец её ожидает потрясение. Или это общее утверждение, которое безошибочно можно предсказать любому человеку? Вспомнились годы, проведенные у кровати больного Ромочки, споры с Сашей Рыковцевым. Неужели он был прав, и время им предсказанное наступило.

Да, были минуты слабости. Ночь в палатке на берегу черного моря, шум накатывающихся волн. Оля! Тогда всё обошлось. Но моя ли это заслуга. А курсы повышения квалификации в Москве,

зимний предновогодний вечер, алея из обсыпанных снегом ёлок. Мария Михайловна! Нет, тут я ни в чём не виноват, ни в чём не могу себя упрекнуть.

Что же произошло теперь. Почему я потерял контроль над своими чувствами, куда делась моя воля, почему оказался в пропасти. Невольно всплыли в памяти, некогда поразившие меня стихи.

Любить, это небо похитить у Бога,
И небо за ласки отдать.
Страдать так покорно, так много, так много,
Чтоб сердце устало страдать.
Любить это ночи томиться беззвездные,
Грустить и не знать, что грустишь.
Стоять одиноко над бездной, над бездной,
И не знать, что над бездной стоишь.
Любить это падать и в этом падении
Другого увлечь за собой ...

Когда-то в юности, когда я читал эти стихи, меня поражала их экспрессия и глубокий лиризм. Две последние строки, на мой взгляд, передавали то замирание духа в любви, которое сродни с чувством, которое испытывает человек при падении. Теперь же я увидел в этих строчках совсем иной, почти трагический смысл.

За окном сгущались сумерки. В купе зажгли свет, опустили шторы. Люди готовились ко сну. А мне нужно было окно, ощущение движения. Вышел в тамбур. К счастью там никого. Вагон раскачивается и подрагивает на стыках. Прижимаюсь лбом к прохладному стеклу. Ни одной трезвой мысли. Только чувства. Они захлёстывают меня как в море набегающие волны. Море! Это было года три назад. Кавказское побережье. Низкое небо, тяжёлые свинцовые тучи, штормящее море. Волны обрушиваются на меня, не давая вздохнуть. Выскакиваю из одной, и сразу накатывается другая. Одна несёт к берегу, другая, – в открытое море. Кажется, этому не будет конца. Выбиваюсь из сил. И вдруг очередная волна закручивает и несёт на берег. Песок обдирает руки, плечи. Только ценой значительных усилий, весь ободранный, чудом сохранив на себе плавки, выбрался на берег.

Выберусь ли я теперь, и если выберусь, то ценою каких потерь? Чувствую себя таким же одиноким и беспомощным как тогда в море. Цепляюсь за обрывки мыслей, но они не дают устой-

чивости. Думаю о Сталине, о днях проведенных в Форосе и как всегда в таких случаях охватывает ревность и в душе все холодеет. Вернулся домой, так и не найдя успокоения.

В апреле по приглашению Эрночки ездили с Ниной в Здвинск. Грустная была встреча, почти похоронная. Эрночка тяжело больна, по-видимому, опухоль гортани. Однако на судьбу не жаловалась, а пыталась смягчить Нинину боль, примирить нас. Меня журила, но не очень. Приводила многочисленные примеры благополучного завершения таких же историй.

Запомнился вечер перед нашим отъездом. Небольшая заасфальтированная площадь перед райкомом партии. Несколько скамеек со склоненными над ними тощими березками, окутанными дымкой зарождающейся зелени. Мягкий ласкающий закат. Мы сидим практически молча. Все самое важное уже сказано, но решение не найдено. Возможно, оно просто не существует. Изредка перебрасываемся малозначащими фразами, далекими оттого, что мучает каждого из нас. Эрночка в таком необычном для неё черном платочке, его длинным, свисающим уголком, стараясь делать это незаметно для нас, смахивает наворачивающиеся слезы. Понимает, что помирить нас ей не удалось. Похоже, мысли её о смерти, о том удастся ли еще хоть раз повидаться с нами. Нина вся напряжена, лицо каменное, лишенное какого либо сочувствия. Её надежды не оправдались. А я думаю о себе. О своём возрасте, своём падении, о том, что могу лишиться сестры, человека лучше других понимающего меня. Почему не получился наш разговор? Неужели так зачерствела моя душа. Ведь даже для Эрночки я не нашел теплых успокаивающих слов. И почему Нина сидит как каменная. Ведь она искренне любит Эрночку!

Вскоре после нашего возвращения домой пришло письмо из Здвинска.

Дорогая Ниночка!

Спасибо тебе родная, за доброе, ласковое письмо! Да, как слова лечат, но, как и ранят! – Сердце кровью обливается, как подумаю о вашей жизни: разбилось такое счастье, развалилась такая семья! Ниночка, дорогая моя возьми себя в руки, выбрось из головы мысли о смерти. Помни, что этим ты убьёшь в первую очередь детей. Поезжай с Валериком в Горячий Ключ. Ведь ты же поняла, что легче не видеть и не терзаться каждую минуту. А там, я уверена, что развязка близка. Ах, жаль ведь мне и его! Запутался он. Как и каким, он выйдет из этой борьбы (с

самим собой) не знаю, не знаю. Может быть не узнаю. Ваш приезд – как сон. Будто и не были. Робочка такой далекий, чужой. Где-то в своих мыслях, за стеной. Ты сплошное страдание. И я беспомощна. Прости меня, Ниночка, что ничего я не смогла сделать. А ты надеялась, да? Что я? Что ему до меня? Когда он детей своих не пожалел.

У нас плохо. Саша с двухсторонним воспалением легких лежит в больнице. Протекает очень тяжело. Я последние дни чувствую себя хуже. Задыхаюсь, стало больше крови. Нервничаю очень. И из-за Саши, и вообще. На улучшение я и не рассчитываю. Жара для меня, видимо, еще хуже, чем холод.

Прости меня, Ниночка за бестолковое письмо. Как-то не могу собраться с мыслями. Разбегаются, а в голове такой шум, будто трактор рядом работает. Очень прошу тебя, дорогая, пиши мне! Ведь только этим и живу. Всё, всё хочу я о вас знать, о всех вас. И ты никогда не будешь мне чужой. Что бы ни случилось. Запомни это. Ведь ты мне и душой родная. Обнимаю и целую вас всех, милые мои! И мамочку твою, бедную страдальцу. Больше думай о себе и детях.

Крепись родненькая! (Я будто за него перед тобой и детьми виновата!)

Эрна

Письмо это, было по существу прощальным. Не ответить на него я не мог. В письме просил прощения, уверял, что все идет на поправку, и дело только за временем. Привожу его по памяти.

Родная сестренка моя, самый близкий по духу и мыслям человек. Прости мне безумные поступки мои, если это вообще поддаётся прощению. Не берусь объяснить их. Я действительно оказался слабым человеком, не сумевшим справиться с чувствами своими. Вся вина лежит только на мне. Я заставил страдать так много дорогих мне людей и, прежде всего Нину, что искупить это почти невозможно. И все же надеюсь, что выздоровление возможно, особенно теперь, когда Сталина с мужем уехала, и все связи с ней прерваны. Дорогая, должен честно признаться, в этом нет моей «заслуги». Более того, я тяжело переношу этот разрыв. Но дома стараюсь этого не показывать. Ниночке и так досталось сверх меры. А ведь я по прежнему её люблю, и был бы счастлив, если бы мог искупить свою вину. В то же время я ни в чем не могу, не хочу обвинять в чем-либо Сталину. Ей я тоже доставил не мало тяжелых ми-

нут. Думаю, что на разрыв она пошла из за желания покоя и отдохновения. Хотя возможно я преувеличиваю свою роль в её жизни. Я тоже постепенно отхожу от чувств своих как от тяжелой болезни.. Теперь многое зависит от Нины, сумеет ли она перешагнуть через нанесенные ей оскорбления. Со своей стороны клятвенно тебе обещаю приложить все силы к тому, чтобы наше примирение состоялось, тем более, что чувство к Нине никогда не исчезало из души моей.

Дорогая, как твоё горло, что говорят врачи. Когда же, наконец, съездишь на консультацию в Новосибирск. Говорят, что теперь разработаны методы локального узко-направленного облучения, быть может это тебе поможет. Как Сашина пневмония? Ниночка шлет тебе привет и пожелание выздоровления.

Целую, Роберт.

Письмо письмом, а жизнь сама по себе. Но в главном я был честен. Я действительно любил Нину, и хотел примирения с ней. Успокоения же искал в работе, тем более, что было её немало.

В этом году в самом преддверии майских праздников нашему факультету поручили чистку и покраску коммунального моста через Енисей. На это мероприятие потребовали вывести весь факультет. Студенты, преподаватели и лаборанты скребли и грузили в машины скопившуюся за год грязь, мыли, а потом красили чёрной краской парапет моста. А ведь это без малого два километра, два километра на пронизывающем ветру, при нехватке малярных кистей и полном отсутствии рабочей одежды. В итоге забрызганные несмывающейся краской куртки, плащи, возмущенные, требующие компенсацию, родители. Начальство за работу похвалило и, к всеобщему огорчению факультета, она с тех пор стала нашей ежегодной обязанностью.

В июле неожиданно обострилась проблема с распределением. Дошло до того, что две выпускницы отделения физики наотрез отказавшись ехать в деревню, положили на стол заведующего Крайно свои дипломы. Что тогда началось, куда только меня не вызывали, кто только не отчитывал. Мне ещё повезло, выговор за плохую воспитательную работу с выпускниками мне объявили без занесения в личное дело.

Работы на факультете не уменьшалось. Вводились новые учебные планы, новые программы, новые требования к воспитательной работе, особенно к военно-патриотическому воспитанию.

Последнее время этой проблеме руководители государства уделяли особенно много внимания. В речи, произнесенной по поводу присвоения ему маршалского звания, Брежнев торжественно объявил о совпадении коммунистических и военных интересов, перемешав идеалы армии с социальными идеалами партии. Повидимому, для партии это был способ использовать военный престиж в своих целях и утвердить себя политическим представителем армейских интересов.

С тревогой осмысливал темпы, с которыми в стране формировался очередной культ, культ личности Брежнева. Хотел понять, толи народ без этого не может жить, толи партия.

Его выдвижение на первый план внутри «коллегияльного руководства» началось сразу после XXIII съезда КПСС, когда на пленуме ЦК он был избран не просто первым, а «Генеральным» секретарем ЦК КПСС. Оно окрепло в начале 70-х годов, когда Брежнев занял место Косыгина на важнейших международных конференциях Востока и Запада. Московская встреча «в верхах» Брежнева и Никсона, проходившая в мае 1972 года подтвердили первенство Генерального секретаря. После этого стареющий правитель мог спокойно «почить на лаврах», купаясь в почестях и лести, подогревавших его старческую страсть к титулам и орденам. Брежнев получил семь орденов Ленина и пять звезд Героя Советского Союза и Социалистического труда. Помимо этого он был удостоен золотой медали имени Карла Маркса за «исключительный вклад в развитие марксистско-ленинской теории; Ленинской премии мира и («по просьбе трудящихся») Ленинской премии по литературе за три брошюры: «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», выпущенных тиражом более 15 млн. экземпляров каждая. В них без лишней скромности Брежнев рассказывает о подвигах совершенных им во время войны и затем на «промышленном и сельскохозяйственном фронтах». Ошеломляла и военная карьера Генерального секретаря: в апреле 1975 года к 30-летию Победы ему было присвоено звание генерала армии, а всего через год, звание Маршала Советского Союза. Наконец, 16 июня 1977 года Брежнев занял также и почетный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Хотя пост Генерального секретаря Брежнев получил в результате заговора, но дальнейшее его возвышение и возвеличивание не было связано с устранением соперников. Они сами отдали власть в его руки.

Седьмого октября 1977 была принята новая конституция, которая разрабатывалась 15 лет. Её основное содержание было

взято из конституции 1936 года. Вместе с тем советские руководители успели отказаться от мифа о скором переходе к коммунизму и отмирании государства, введя новое понятие «развитого социализма», отсутствовавшее в произведениях классиков марксизма-ленинизма. Это новое понятие позволяло уменьшить разрыв между теорией и жизнью, отодвигало в далекое будущее всеобщее благоденствие и идею отмирания государства.

Новая конституция формально узаконивала КПСС в качестве руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы, государственных и общественных организаций. Вместе с тем в ней признавалось возрастание роли общественных организаций. В то же время, подчеркивая важность участия общества и утверждая принцип коммунистического самоуправления посредством развития подлинной демократии, недвусмысленно указывалось, что речь вовсе не идет о правовом государстве в западном смысле слова, то есть государстве, основанном на приоритете прав личности.

В те годы самоуправление проникло во многие области советской жизни: местную жизнь и городское самоуправление (в 1980 г. в Советы всех уровней было избрано более двух миллионов человек). Поощрялся также и «народный контроль» граждан над предприятиями и административными органами, для чего была создана обширная сеть (около 250 тысяч) комитетов народного контроля, в которые входили, с одной стороны, трудящиеся-коммунисты, с другой – все желающие, не обязательно члены КПСС, но прошедшие отбор в парторганизациях. В них люди вступали охотно, так как принадлежность к органам народного контроля, в конечном счете приближало их к дефицитным товарам. Число общественных организаций возросло и в сферах, на первый взгляд далеких от политики: в культурной жизни, в спортивном движении и т.д. Часто опираясь именно на них, и расцвели в период «перестройки» и «гласности» тысячи «неформальных объединений».

Изучение новой конституции было включено в учебные планы всех без исключения учебных заведений. Рассматриваемые в ней проблемы, и особенно понятие «развитого социализма» обсуждались в сети политического просвещения.

Наступил 1978 год. В нём оканчивался срок моей работы в должности декана (в те годы этот срок определялся четырьмя годами), и следовало срочно привести в порядок дела, запущенные за последнее время. Долго советовался подавать или нет заяв-

ление на следующих четыре года. Из разговоров с Юрой, Колей Лойко, Самсоном Львовичем Эдельманом понял, что коллектив то ли смирился с моими начинаниями, то ли я в последний год утратил рвение, что всем понравилось. Студенты в коридоре вывешивали плакаты «Хотим деканом папу Майера». Переизбрание, которое проходило в марте 1978 года, прошло без неожиданностей.

Душевные раны постепенно затягивались, настроение улучшилось, что не могла не заметить Нина. Процессу выздоровления содействовали и хлопоты, связанные с замужеством Наташи. Для нас это было большой неожиданностью. До этого мы о Володе практически ничего не знали. Готовя нас к встрече, Наташа рассказала, что познакомилась с Володей весной 1977 года в парке при ДК 1-го Мая, куда она иногда ездила со своими подружками Ириной Суздалевой и Ольгой Пехотиной. Жил Володя где-то в том районе с отцом, матерью и сестрой, учился в техникуме по специальности подъемно-транспортные машины. Курил, но не пил, говорил, что на водку ему жалко тратить деньги. Много читал, правда в основном фантастику. Был он явно не глуп, начитан, рассудителен и очень критичен, всегда всем и всеми недоволен. Близких друзей у него не было, были товарищи. Отношение к родителям не очень хорошее, похоже, воспитывали его в строгости (особенно отец). Я много раз пытался выяснить у Наташи, чем он пленил её, но вразумительного ответа не получил. Похоже, противоположностью характеров, что часто бывает с молодыми неопытными девушками. У нас до свадьбы Володя бывал очень редко, и мне кажется, семья наша ему не нравилась.

Свадьбу сыграли 6 мая 1978 года в здании ДК 1-го Мая. После свадьбы Володя с Наташей жили у нас. Наташа устроилась работать в школе на «Каменном квартале», а Володя готовился к поступлению на отделение физики нашего института. Подготовка, а потом и учеба давались трудно из-за нежелания систематически заниматься. Во время подготовки к вступительным экзаменам и потом в процессе учебы на первом курсе Володя мне неоднократно говорил: «Роберт Адольфович больше двух часов в день заниматься я не могу», и не занимался. С трудом перешел на второй курс, после чего перевёлся в политехнический институт, на родственный ему машиностроительный факультет. Там учеба пошла успешней. Во всяком случае, свой дипломный проект он, как когда-то в техникуме защитил на отлично.

Удивляло его постоянно плохое настроение. Он редко когда выходил из своей комнаты, не принимал участия в общих разго-

ворах. Никогда не улыбался, не шутил. Сначала я думал, что это связано с моей национальностью и нашим с Ниной прошлым, но позже убедился, что таков он и в своей семье, и во взаимоотношениях с Наташей. Правда, там он иногда смеялся, но как-то слишком резко, вызывающе. В его восприятии мира не было полутонов, пастельных красок, лиризма. Чем дальше раскрывался его характер, тем страшнее становилось нам за Наташу. Оказалось, что Володя вспыльчивый, невыдержанный, и очень грубый человек, не способный на сочувствие, сострадание и благодарность. Его домостроевские взгляды на то какими должны быть отношения в семье вызывали большие опасение за Наташино будущее. С одной стороны это выматывало, а с другой заботы, связанные со свадьбой и в ещё большей степени с вхождением в нашу семью нового человека, взгляды, убеждения и привычки которого были диаметрально противоположны нашим содействовали нашему с Ниной сближению.

Летом Нина, Валера, Зина и Олечка Майер были на море в Лермонтово. Наташа приехала позже, и вскоре ее положили в Горяче-Ключевскую больницу на сохранение. Всё это время Нина была с ней.

28 июля 1978 года пришла телеграмма из Здвинска. Умерла Эрночка – самый близкий мне человек. С трудом и опозданием добрался я до Здвинска. Там застал Лялю. Постояли мы с ней у могилки, поплакали. Оградка, православный крест, увядшие венки. Среди них один свежий, мой. На траурной ленте эпитафия. Зачем я написал её на немецком языке, да ещё готическими буквами? Что это, вызов? Кому? Родная моя сестренка, такая мудрая, сострадательная. Для каждого находила слова утешения. Сколько дополнительных переживаний причинил я ей. Даже в последний наш с Ниной приезд не нашел для неё слов утешения. Думал только о себе, о своих проблемах, не мог пообещать, что с достоинством выйду из того затруднительного положения, в котором оказался по своей вине

Потом поехал в Горячий Ключ к Нине. Встреча была не простой, но обстановка в Горячем ключе способствовала примирению. Возвращались домой вдвоем. Ехали через Москву. Оттуда в спальном вагоне СВ. Двуместное купе, оба места нижних. Настольная лампа. Обедали в ресторане. В Барабинске по просьбе Нины сделали остановку. Заехали в Здвинск на могилку к Эрночке.

14 ноября 1978 года родился Андрей. Володя казалось, не проявлял особой радости. Возможно, это нам только казалось. Уж такой у него был характер, а с этим ничего не поделаешь. Наташа была грустной, часто плакала. Наверное, чувствовала, что сохранить семью не сможет. Но самым для нас ужасным представлялось отношение Володи к воспитанию сына. Когда Андрюша начинал плакать он не разрешал брать его на руки.

– Пусть кричит, покричит – перестанет.

Андрюша кричал до синевы, а мы все, включая Наташу, металась по квартире, не зная, что предпринять, и чем помочь малышу.

Первый открытый конфликт произошел зимой 1979 года. Наташи не было дома, Андрюша, которому не было и трёх месяцев, заходился в крике. Нина попросила Володю успокоить ребенка. Он, выдержав паузу, и, зло взглянув на неё, взял Андрюшу на руки и начал отчаянно трясти. Его головёнка моталась из стороны в сторону, личико от натуги в крике посинело. Нина, не выдержав, подскочила и, выхватив кричащего Андрея из Володиных рук, унесла в нашу комнату. После этого Володя заявил Наташе «раз так, то пусть и воспитывают». С тех пор Андрюша большую часть времени был в нашей комнате. Володя же сутками, лежа на диване, читал книжки. Не берусь судить, кто был прав, а кто виноват в этом конфликте. Но и Нину надо понять.

Первое время Володя, возможно стесняясь, открыто, при нас на Наташу не кричал. Но со временем осмелел и начал орать по любому пустяку, утверждая свое мужское превосходство. Что стоило мне всё это слышать. Я несколько раз пытался поговорить с ним, но из этого ничего не получалось. У нас были абсолютно противоположные взгляды на жизнь и тем более на воспитание детей. Забота об Андрюшке стала смыслом нашей с Ниной жизни.

В то же время, понимая, что ребенок это стержень семьи, старались по возможности чаще уходить из дому, оставляя Володю, Наташу и Андрюшу дома одних. Ходили в кино, в театр, в оперетту. Но и там все наши мысли, и разговоры вертелись вокруг Володи. Надеялись, что должно же в нем пробудиться настоящее отцовское чувство, тем более, что и внешне и по характеру Андрюшка был копией отца.

В сентябре 1978 года ушла на пенсию ректора института Ольга Гавриловна Пелымская. Её место занял проректор по науке Альберт Николаевич Фалалеев. Вежливый, подчеркнута обходительный, всеми силами стремящийся соблюдать административ-

ный этикет и не показывать своего раздражения, даже в ситуациях, в которых многие руководители часто переходят на крик. Лично меня подкупала его способность спокойно обсуждать проблемы ему неприятные, выслушивать мнения, которые он заведомо не разделял. Попасть к нему на приём тоже было не просто, но если он назначал встречу, то не приходилось ждать приема часами. Было в нем, что-то от барина, и это некоторых раздражало, меня нет, ибо в поведении его не было чванства и, судя по всему, ни ученые степени, ни звания, ни занимаемая должность не кружили ему голову. По крайней мере, он этого старался не показывать.

В декабре 1978 г. в составе возглавляемой Фалалеевым комиссии, участвовал в проверке Магаданского пединститута. Это была моя первая поездка подобного рода. Потом был Хабаровск, Иркутск, Чита, Абакан. Но та поездка запомнилась особо. Необычная природа – сопки, с заснеженными «вершинами», бухты Охотского моря, живописные распадки, с текущими по ним ручьями, карликовые деревья. Удивили микроскопические габариты квартир, и та выдумка, с которой их жильцы, ухитрялись в этих условиях достойно принимать гостей. Приветливые люди, чье отношение к нам вдохновлялось нашим статусом. Приемы, угощения. Необычные морские деликатесы, чёрная и красная икра, о существовании которых я начал даже забывать, царственный краб, чьи огромные клешни, не уместящиеся на праздничном блюде, хищно вцепились в накрахмаленную скатерть. К кофе, вместо дефицитного в Магадане молока, до белизны протертый в сахаре и охлажденный яичный желток. Посещение музея, повествующего о лагерном прошлом этого, построенного на костях заключенных, города. Место в недалеком прошлом страшное. Сколько песен, повестей, рассказов посвящено ужасам тех лет, но разговоров на эту тему местные жители избегали. Летом 1979 мы с Ниной следуя традиции отдыхали в Лермонтово у Офляных. Отдельная комнатка, ставшие почти родными хозяева. Большую часть времени проводили на море. Частенько бродили в окрестных лесах. Ходили на почту, которая теперь располагалась во вновь отстроенном санатории. Там получили от Наташи телеграмму: «Андрей побежал». Разговоры наши в основном касались детей и внуков. О случившемся и пережитом практически не говорили, хотя и не забывали.

1979 год был для наших детей в некотором смысле переломным. Валера с Зиной и Олечкой переехали из общежития в «полуторку» по улице Диктатуры, в десяти минутах ходьбы от факультета. Ромуальд, отработав положенных три года в школе, устроился инженером-программистом в Сибцветавтоматике, а Наташа ассистентом на кафедру высшей математики Политехнического института, где вскоре ей выделили комнату в секции общежития. Дома наступила необычная тишина. По воскресеньям, навещая молодых Майеров, которые жили теперь на самом берегу Енисея, любили побродить, по набережной. Ходить в городской парк не любил, его посещение пробуждали

Ромуальд

воспоминания, от которых с таким трудом освобождался. По вечерам Нина любила смотреть новый сериал «Следствие ведут знатоки», а Ромочка свои бесконечные спортивные передачи. Я

ограничивался последними известиями, которые во второй половине этого года были не очень богаты на политически важные события. Все резко изменилось с вводом в декабре 1979 в Афганистан «ограниченного» воинского контингента.

В феврале 1980 года вместе с Фалалеевым был в Москве на совещании ректоров в Кремле. Жил в гостинице «Россия». Когда

подходил к отделу регистрации, удивился: у всех выходящих в руках были совершенно одинаковые дипломаты. Такой же вручили и мне. В нем было два тома сочинения Л.И.Брежнева, в ярко красных переплетах. Такого же красного цвета была и внутренность дипломата.

Летом 1980 мы с Ниной вдвоем уехали на юг. Несколько дней жили у Ляли в Ростове, потом в Горячем Ключе у Муси, и наконец уехали на море, но не в Лермонтово, как обычно, а в Джубгу. Нашли чистенькую комнатку недалеко от моря. Садик весь в розах. Виноградник. Хозяева Скорокодомские очень симпатичные люди. По вечерам ходили на танцплощадку санатория и даже танцевали. Через неделю к нам приехала Ольга Бутенко. Ходили в горы загорать. Из Джубги ездили в Гагры, в Новый Афон. Посетили Ново-Афонские пещеры Побывали на озере Рица, лакомились форелью. Вернулись домой к началу учебного года. Если бы все это раньше, если бы не случилось то, что случилось.

Шестого октября 1981 года родился Димочка Майер, и я уже в третий раз стал дедом. Пора было задуматься о заключительном этапе своей жизни.

21 декабря 1981 года на факультете отмечали мое шестидесятилетие. Думал, что выступит Юра, но он и на этот раз промолчал. Это было для меня загадкой. От Крайсовпрофа меня за активную работу в профсоюзной организации наградили путевкой в какой-то южный санаторий, которую по моей просьбе заменили на две путевки в местный санаторий «Красноярское Загорье». Отдыхали мы в нем с Ниной летом 1982. Нина пропадала на процедурах, а я бродил по окрестностям. Пытались загорать, но этому активно мешали комары. Помню как на косогоре собирали клубнику, из которой Нина в палате на нагревателе для бегуди варила душистое варенье. В те дни к нам в Загорье приезжали Наташа с Володей и Андрюшей, который впервые на близком расстоянии увидел живую лошадь и очень испугался.

Время несло стремительно и тем быстрее, чем старше становился я. Дни, недели, месяцы мелькали как кадры кинохроники. Весной 1982 года окончился второй срок моей работы в деканате. Решил, что с меня этого достаточно. Слишком напряженной и в то же время рутинной была в те годы работа декана. Всё регламентировано системой политических установок, партийных решений, законов, ведомственных приказов и распоряжений. Учебные планы, программы были в те годы неприкасаемыми, учебники по существу стабильными, режим рабочего дня всех участников учеб-

ного процесса прописан в многочисленных инструкциях. Внести в них хотя бы незначительные изменения декан не мог, финансами не владел. Даже при выступлении на партийных собраниях и Советах нужно было соблюдать большую осторожность.

А сколько времени отнимала эта работа. За прошедших восемь лет не смог написать ни одной стоящей работы. Поэтому, когда мой заместитель, Володя Гребенников заявил, что следующий срок в таком качестве работать не будет, что хочет сам поработать деканом, я, естественно, подавать заявление не стал, и своим решением остался доволен.

В июне 1982 умер Петя. Незадолго до этого он приезжал к нам. Встреча и расставание были печальными. Петя как обычно был немногословен. Тем более, что при Нине, зная её отношение к разговорам на политические темы, обсуждать волновавшие его вопросы не хотел. Не мог забыть её реакцию на предложение выучить немецкий язык. Только на вокзале, когда мы остались одни, спросил:

– Так ребята твои так и остались без знания родного языка? Я молча кивнул, и добавил

– Так я и сам его практически забыл, остались только детские воспоминания.

Петя неодобрительно посмотрел на меня и, помолчав, проговорил:

– Вот так почти повсюду. В немецких семьях, особенно в семьях, в которых мать русская, дети вырастают без знания родного языка. И помолчав, добавил

– Обидно. Знал бы ты сколько счастливых минут я пережил читая с Эрночкой и ребятишками немецкие книжки, напевая народные немецкие песни, как это сближает, роднит.

Я молчал. Было шумно. Диктор то и дело сообщал об опаздывающих поездах. Напротив нас, облокотясь на груды узлов, молодая цыганка о чем то спорила с пожилым цыганом. Её гортанная речь лилась непрерывным потоком.

Воспользовавшись непродолжительной паузой в работе хрипящего динамика, Петя проговорил

– Вот сумели же цыгане в течение столетий сохранить свой язык, а мы, – и, переждав очередное сообщение, продолжил

– Печально. Семьи распадаются, рвется цепь поколений, дети не знают своих корней. А каждый человек *mus Saine Wurzeln wissen* (должен знать свои корни), переходя на немецкий, закончил он.

Затем, порывшись в своем стареньком чемоданчике, достал оттуда небольшой сверток.

– Вот это перед своей смертью просила передать тебе Эрночка, – и голос его дрогнул. Здесь Ваши старые фотографии, письма, какие-то старые записи. Возможно, это тебе пригодится.

Поезд опаздывал и мы еще долго и, наверное, бестолково обсуждали проблему российских немцев, и их неизбежную после всего случившегося ассимиляцию.

Несмотря на все объективные и субъективные трудности жизнь в семье налаживалась. Новые заботы заслоняли старые обиды, раны постепенно заживали, хотя рубцы оставались и периодически давали о себе знать. Часто ловил на себе Нинин взгляд, полный скорби и молчаливого упрека. За каждым её словом крылся тайный смысл. Казалось вернуть прежнее доверие мне уже никогда не удастся.

В 1982 году Красноярское туристическое бюро открыло новый речной маршрут вверх по Енисею до Шушенского и обратно. Горсты, большие любители путешествий, загорелись идеей на скло-не лет еще раз прокатиться на теплоходе. Единственное, что их смущало, так это категорический запрет брать с собой кошек и собак. И все-таки они решились на эту поездку, уговорив на неё и меня с Ниной.

И вот, приобретя путевки, едем автобусом к месту причала на Красноярском море. Юра с Раей впереди, мы с Ниной сзади. У Юры на руках их любимая собачка «Вегушка». Он пытается её поцеловать, она, не выносящая запаха спиртного, до крови кусает его губы. Юра смеется. Рая возмущается

– Не раздражай собаку.

Проехали плотину, поворот и мы на причале. Перед спуском к дебаркадеру Рая прячет Вегушку в сумку и задергивает замок. Спускаемся. Теплоход небольшой, двухпалубный, но достаточно комфортабельный. Наши каюты на верхней палубе. Получаем ключи, размещаемся. Накрыв столик скатеркой, Нина ставит на него взятую, по-видимому, еще из дома, вазочку с букетиком цветов. Надеюсь, что это знак примирения и согласия. За окном сверкающее солнце и даже нечто похожее на крик чаек. Ощущение такое, как будто мы отправляемся в свадебное путешествие.

У Горстов другие проблемы. Вегушка рвется на волю и жалобно скулит в сумке, а выпустить её до прихода горничной, оформляющей документы, нельзя, Рая боится, что пока теплоход не отплыл, их могут высадить.

Но вот, наконец, протяжно прогудев и включив традиционный марш «Славянки», теплоход отправился вверх по течению. Провожających почти никого, да и пассажиров на палубе не видно. Все заняты размещением в каютах.

Обедаем в ресторане верхней палубы. Столик на четверых. Юра ворчит, что попался не перспективный напарник. Рая украдкой собирает косточки для Вегушки. Я же сосредоточен на Нине, пытаюсь понять её настроение. Чувствую, что произошло, что-то важное. Она как бы помолодела, обрела прежнюю уверенность. Была внимательна ко мне, много шутила. Её еще совсем недавно потухший, и обращенный в себя взгляд, вдруг обрел прежнюю свежесть, и даже морщинок вокруг глаз стало меньше. Что это игра, или твердо принятое решение еще раз поверить мне и начать все с начала.

Несмотря на некоторые сомнения, я радовался и был твердо уверен, что никогда уже не подвергну её такому унижению.

Берега этой части Енисея не производили особого впечатления. Хотя и зеленые, но абсолютно плоские места, редкие серые деревеньки. Мы с Ниной радовались обретенному, наконец, покою, и нас не очень волновало отсутствие скалистых берегов и бурных речных порогов, которые сопровождают туристов при прохождении среднего течения Енисея. Юра любил высказывать различного рода предположения о том, какими были эти берега до строительства Красноярской плотины. Меня больше интересовала природа женской души, её возможности к примирению после того как вновь обнажается её природная глубина.

В программе нашей экскурсии было посещение Шушенского и Саяно-Шушенской ГЭС. Ни Шушенское, ни музей В.И.Ленину не произвели на меня должного впечатления. Только подумалось, что в наши годы активный противник существующего режима был бы немедленно расстрелян. А Ленину и его гражданской жене царское правительство предоставляло бесплатную квартиру и некоторые другие льготы.

Гораздо интереснее было наше посещение Саяно - Шушенской ГЭС. Дорога туда напоминала Кавказ. Нависающие скалы, на изломах искрящиеся каким то минералом. Деревья своими узловатыми корнями судорожно цепляющиеся за скалы. Не было только моря, и это лишало смысла и очарования все остальное. Мы стояли на смотровой площадке тесно прижавшись друг к другу и с головокружительной высоты смотрели, как из чрева плати-

ны тугой струей бьет стремительный поток, в щепки разбивающий огромные брёвна.

На обратном пути состав отдыхающих несколько изменился. Наверное, кто-то просто ехал до Абакана или Шушенского и теперь их сменили люди, едущие в обратном направлении. В результате такой смены пассажиров, около нас за соседним столиком оказалась немецкая семья. Сравнительно молодая пара с дочерью, школьницей лет одиннадцати. С ними старушка, по-видимому, мать главы семейства. Говорят на немецком и довольно бойко. Удивляюсь

– Ведь это нужно, оказывается, еще существуют немецкие семьи, сохранившие родной язык, – не без некоторой зависти, неосторожно промолвил я, – интересно как им это удалось.

Юра, любивший темы, которые могли поставить меня в щекотливое положение, безапелляционно заявляет

– Все очень просто, тебе надо было жениться на немке, теперь было бы с кем поболтать.

– Тебе тоже, – разозлился я, тем более, что эта тема слишком часто стала преследовать меня.

Рая на нашу перебранку никак не прореагировала. Нина же замерла. Я понял, тяжелого разговора не избежать. Начинать его при Юре не хотел. Постарался перевести разговор на другую тему.

Вечер. Мы с Ниной стоим на корме. Свежо, я набрасываю ей на плечи свою курточку и пытаюсь поцеловать в щеку. Она отстраняется и, помолчав с минуту, напряженным голосом спрашивает

– Если ба я была немкой, то того, что произошло, не случилось бы, это правда?

Я обнял её и, прижав к себе, вымолвил:

– Ну что ты Нинок, какое отношение твоя национальность может иметь к тем глупостям, которые я совершил. Давай забудем о случившемся, и попробуем начать жизнь с начала. Посмотри, какой прекрасный закат. И тишина. И мы с тобой вместе. Вместе же! Разве это не самое главное.

Сказал, а сам подумал «Кто знает, кто знает. Наверное, и эта проблема добавила немало трещин в наши отношения. Но вряд ли они были решающими. Просто, такова судьба моя. Судьба, в которую я никогда не верил».

Мы простояли на корме еще с час. Солнце давно ушло за горизонт, и только последние отблески его золотили край неба над темной кромкой леса

Нина, тяжело вздохнув, промолвила

– Согласна, только не надо «с начала». Жизнь без прошло-

Осень 1982 г. На набережной Енисея

го, без воспоминаний, это ужасно, – сказала, и как в далеком прошлом доверчиво прижалась ко мне.

Я понял, Нина решила еще раз поверить мне, и был счастлив.